

Только тогда уламы ощутили всю тяжесть обрушившегося на них бедствия.

Они поняли, что смертельная опасность угрожает самому существованию племени, что силы природы грозно ополчились против них, что, лишившись Огня, уламы не смогут бороться с этими силами.

Отчаяние овладело даже мужественным Фаумом.

На его широком лице, заросшем жесткой щетиной, в его глазах, желтых, как у леопарда, отразилась смертельная усталость. Он смотрел на спящих воинов, забывая даже слизывать кровь, которая сочилась из ран на предплечье.

Как все побежденные, Фаум не переставал вспоминать мгновения, когда победа клонилась на его сторону. Уламы яростно бросились в бой. Палица Фаума крушила череп за черепом. Еще миг — и уламы уничтожат своих врагов, возьмут в плен их жен, растопчут их Огни и смогут по-прежнему охотиться в своей саванне, в полных дичи лесах.

Какой злой ветер пронесся над полем битвы? Почему уламы, вдруг охваченные ужасом, обратились в бегство,

почему захрустели их кости под вражескими палицами, почему вражеские рогатины стали вспарывать их животы? Как случилось, что враги ворвались в лагерь уламров и уничтожили плетенки с Огнем?

Мысли эти сверлили темный мозг Фаума, приводя его в исступление. Он не мог примириться со своим поражением...

Солнечные лучи пробились сквозь облака. Под их ярким блеском закурилась паром саванна. Радость утра и свежее дыхание растений несли они с собой. Даже болотная вода казалась теперь не такой угрюмой и коварной. Она то отсвечивала серебром среди темной зелени островков, то как бы покрывалась блестящей пленкой слюды, то приобретала опаловую матовость жемчуга. Ветерок, пробиваясь сквозь заросли ив и ольхи, разносил далеко в стороны свежий запах воды.

Солнечные лучи отражались в капризной поверхности вод и мимолетно озаряли то какую-нибудь корягу, то водяную лилию, желтую кувшинку, синего касатика, болотный молочайник, вербейник, стрелолистник, то целую заросль лютиков, очитков, дикого льна, горького кресса, росянки, то непроходимые заросли камышей, где кишели водяные курочки, чирки, ржанки и зеленокрылые чибисы.

Фаум смотрел на свое племя. Сбившиеся в кучку уламры, желтые от ила, красные от крови, зеленые от водорослей, походили на разноцветный клубок змей. От свернувшихся, как питоны, или распластавшихся, как гигантские ящеры, людей несло лихорадочным жаром и запахом гниющего мяса. Некоторые тяжело хрипели, борясь со смертью. Раны их почернели от запекшейся крови.

Однако большинство раненых должны были выжить — самые слабые остались на том берегу или потонули при переправе.

Фаум перевел взгляд со спящих на тех, кто бодрствовал, больше страдая от поражения, чем от усталости. Это были

великолепные образцы человеческой породы. У них были тяжелые головы с низкими лбами и мощными челюстями. Кожа их была бурой, но не черной; почти у всех грудь и конечности поросли волосами. Остротой обоняния они могли соперничать с хищными зверями.

Фаум воздел руки к небу и протяжно закричал.

— Что станет с уламами без Огня? — спрашивал он. — Как будут они жить в саванне и в лесу? Кто защитит их от ночного мрака и зимних ветров? Кто согреет их озябшие тела? Кто придаст крепость концам их палиц? Они должны будут есть сырое мясо и горькие корни. Лев, медведь, тигр будут пожирать их живьем в темные ночи! Воин, который сумеет снова овладеть Огнем, станет братом Фаума. Он будет получать три части на охоте, четыре части из добычи. Фаум отдаст ему в жены Гаммлу, дочь своей сестры! А после смерти Фаума к нему перейдет жезл вождя!

Тогда Нао, сын Леопарда, поднялся и сказал:

— Дай мне двух быстроногих воинов, и я добуду Огонь у сыновей Мамонта или у людоедов, охотящихся на берегах Большой реки!

Фаум недоброжелательно посмотрел на него. Нао был самым рослым из уламов. Не было в племени воина, который мог бы соперничать с ним в выносливости и быстроте бега. Он поборол Му, сына Бизона, первого после Фаума силача племени. И Фаум боялся Нао. Он постоянно давал молодому воину самые опасные поручения, стараясь держать его вдали от племени.

Нао не любил вождя уламов. Но высокая, стройная, пышноволосяя Гаммла, дочь сестры Фаума, нравилась ему. Он думал о ней то со страстью, то с неистовым гневом. Нао часто подстерегал Гаммлу в зарослях ивняка, в чаще леса. Стоя в засаде, он то широко раскрывал объятия, чтобы прижать ее к груди, то судорожно стискивал палицу, борясь с желанием повергнуть ее ударом на землю, как девушку из враждебного племени. А между тем он не желал Гаммле зла: если бы она была его женой, он не был бы с ней

жестоким, потому что не любил видеть на лицах окружающих выражение страха и отчужденности.

Во всякое другое время Фаум не принял бы предложения Нао. Но горе укротило Фаума. Он подумал, что союз с сыном Леопарда может оказаться выгодным; а когда понадобится — всегда найдется способ избавиться от него. Поэтому, повернувшись к молодому воину, он сказал:

— У Фаума только один язык. Если Нао принесет Огонь, он получит Гаммлу без выкупа. Он станет сыном Фаума!

Подняв руку вверх, он говорил с расстановкой, веско и торжественно.

Кончив, он сделал знак Гаммле.

Девушка, трепеща, приблизилась.

Гаммла знала, что в сумерках Нао подстерегает ее в чаще, и боялась его. Но иногда она мечтала о нем. И противоречивые чувства боролись в ней: то ей хотелось, чтобы людоеды убили его, то она жаждала, чтобы он вернулся победителем и принес Огонь племени.

Тяжелая рука Фаума упала на плечо девушки.

— Кто из дочерей человеческих сравнится с моей Гаммой? — гордо воскликнул он. — Она может унести на плече лань, бежать без отдыха от утренней зари до вечерней, без ропота переносить голод и жажду, переплывать озера и реки. Она родит своему мужу много сыновей. Если Нао сумеет добыть Огонь, он получит Гаммлу без всякого выкупа — ему не придется отдавать ни рогов, ни мехов, ни ракушек!

Тогда Агу, сын Зубра, самый волосатый из уламров, выступил вперед.

— Агу хочет завоевать Огонь, — сказал он. — Вместе со своими братьями он пойдет добывать его у врагов по ту сторону реки. Агу либо погибнет от руки врагов, в пасти тигра, в когтях у льва-великана, либо принесет уламрам Огонь, без которого они слабее оленя и сайги!

Все лицо Агу, казалось, состояло из одной пасти, окаймленной кровавой полосой губ. Глаза его дико сверкали. На тяжелом, коренастом теле уродливо выделялись длинные руки

и непомерно широкие плечи. Облик его выдавал звериную, беспредельную, не знающую пощады мощь и жестокость.

Агу никогда не боролся ни с Фаумом, ни с Му, ни с Нао. Но все знали, что сила его огромна. Агу не мерялся ни с кем силами в мирной схватке, но все те, кто становились поперек его пути, терпели поражение, и счастлив был воин, отделавшийся одним лишь увечьем в единоборстве с ним.

Агу жил с двумя братьями, такими же волосатыми, как он сам, и с несколькими женщинами, несчастными, забитыми существами, обреченными на самое жалкое прозябание.

Даже среди суровых к самим себе и беспощадных ко всем остальным уламров сыновья Зубра выделялись своей жестокостью и кровожадностью. Смутное недовольство ими нарождалось среди всего племени. Эта недовольство было первым проблеском сознания общности интересов массы людей перед лицом опасности, угрожающей всем вместе и каждому в отдельности.

Хотя большинство соплеменников осуждало Нао за излишнюю мягкость и кротость, у него было немало приверженцев. Незлобивость такого могучего воина привлекала к нему сердца тех, кого природа обделила силой.

Фаум ненавидел Агу не меньше, чем сына Леопарда, и боялся его еще больше. Союз косматых братьев казался непобедимым. Если один из них жаждал чьей-либо крови, двое других не успокаивались, пока враг был жив. Всякий, объявивший им войну, должен был погибнуть или уничтожить их.

Фаум мечтал о союзе с косматыми братьями. Но его заискивания натывались на глухую стену недоверия. Сыновья Зубра знали только один вид лести — животный страх во взгляде у всех, кто общался с ними.

Фаум был, пожалуй, не менее жестоким и недоверчивым, чем Агу и его братья. Но наряду с этим он обладал и качествами, необходимыми вождю: он был ласков со своими сторонниками, заботлив к нуждам племени, решителен, настойчив, беззаветно храбр и по-своему справедлив.

В ответе Фаума чувствовался оттенок уважения к Агу:
— Если сын Зубра вернет Огонь уламрам, он без выкупа получит Гаммлу и станет вторым вождем племени, которому все воины будут подчиняться!

Агу слушал речь вождя, не отрывая жадных взглядов от Гаммлы. Его маленькие глазки вдруг сверкнули угрозой.

— Дочь Болота будет принадлежать сыну Зубра. Всякий другой, кто осмелится прикоснуться к ней, будет уничтожен!

Эти слова задели Нао. Он возбужденно крикнул:

— Гаммла будет принадлежать тому, кто вернет племени Огонь!

— Сын Зубра сделает это!

Нао и Агу скрестили взгляды. До сих пор у этих людей не было повода для вражды. Каждый знал о силе другого, но, не имея поводов для соперничества, они до сих пор еще не сталкивались. Речь Фаума зажгла в них ненависть друг к другу.

Агу, еще вчера не обращавший внимания на Гаммлу, вздрогнул всем телом, когда Фаум стал восхвалять девушку. Он мгновенно загорелся к ней страстью, неутолимой и яростной. С этого мгновения он обрекал смерти всякого соперника.

Нао понимал это. Он крепче сжал топор левой рукой и палицу правой. Услышав ответ Нао, младшие сыновья Зубра стали рядом с Агу, молчаливые и угрожающие.

Все три брата были поразительно похожи один на другого: темнокожие, волосатые, с крохотными глазками, словно затянутыми пеленой, как надкрылья у жуков.

Все трое подстерегали каждое движение Нао, готовые броситься на него. Но среди уламров поднялся ропот. Даже те, кто осуждал Нао за мягкость, не хотели его гибели: ведь он взялся вернуть племени Огонь. Все знали, что Нао изобретателен и хитер, неутомим и искусен в обращении с Огнем. Наконец, многие верили в его удачливость.

Агу также обладал силой, хитростью и упорством, и племя могло только выиграть от того, что одновременно два лучших воина отправятся на поиски Огня.

В сильном возбуждении все вскочили на ноги. Приверженцы Нао сгрудились вокруг сына Леопарда, готовые защищать его от нападения косматых братьев. Сын Зубра не знал страха, но и осторожность не была чужда ему. Он решил отложить сведение счетов с Нао.

Гоун, самый старей из уламров, выразил словами неясные мысли, будоражившие толпу:

— Разве уламы хотят своей гибели? Неужели они забыли, сколько воинов вырвали из их рядов враги и волны реки? Из четырех остался один! Все, кто способен держать в руке топор и палицу, должны жить! Нао и Агу — сильнейшие из наших охотников; если один из них умрет, племя потеряет больше, чем если погибнут четыре других воина. Гаммла будет служить тому, кто принесет Огонь. Такова воля племени!

— Такова воля племени! — сказали воины.

И все женщины подхватили в один голос:

— Гаммла будет принадлежать покорителю Огня!

Агу не боялся племени, но понимал, что спорить с ним опасно.

Сделав знак братьям, он повернулся и ушел к своему логовищу.

Глава вторая

Мамонты и зубры

Это происходило на заре следующего дня.

Высоко в небе ветер быстро гнал тучи, но над самой землей воздух стоял неподвижно — раскаленный, напоенный тысячами запахов, душный воздух. Небо казалось гигантским синим озером. Дрожа и переливаясь, растекалась по этому озеру пена утренней зари. Тут она образовала ярко-желтую лагуну, здесь изумрудный залив, там розовый ручей...

Раненые уламы стонали — их томила жажда.

Один из воинов ночью скончался. Окоченевший труп его лежал на траве, посинелый, с кровавым пятном вместо лица, обглоданного ночными хищниками.

Фаум приказал бросить труп в воду.

Жалобное бормотанье старого Гоуна проводило воина в последний путь.

После похорон все внимание племени сосредоточилось на охотниках за Огнем — Агу и Нао, собиравшихся в поход.

Косматые братья вооружились палицами, топорами, рогатками, дротиками с кремневыми наконечниками. Нао выбрал себе в спутники вместо зрелых воинов двух юношей, быстроногих, неутомимых в беге. У каждого из них было по рогатине, топору и дротику. Сын Леопарда, сверх того, захватил палицу — дубовую ветвь, конец которой был обожжен в огне костра. Он предпочитал это оружие всякому другому. С палицей в руках он не боялся сражаться один на один с самыми свирепыми хищниками.

Фаум обратился к косматым братьям с такой речью:

— Агу увидел свет раньше Нао, — сказал он. — Пусть он выбирает свой путь. Если Агу пойдет к реке, сын Леопарда пойдет к Болотам. Если же сын Зубра решит пойти к Болотам, Нао направится к Большой реке.

— Агу еще не знает, куда он пойдет! — возразил сын Зубра. — Он будет искать Огонь повсюду: утром он может пойти к Болотам, вечером — к реке. Разве может знать преследующий вепря охотник, где удастся убить зверя?

— Агу должен сказать, какой путь он выбирает, — ответил старый Гоун, и одобрительный ропот толпы поддержал его. — Он не может одновременно идти и на закат и на восход. Пусть Агу скажет, куда он пойдет!

Кинув злой взгляд на толпу, сын Зубра крикнул:

— Агу пойдет на закат!

И, сделав знак братьям, он решительно зашагал по направлению к Болотам.

Нао не сразу последовал его примеру. Ему хотелось повидать на прощанье Гаммлу. Она стояла под ясенем среди кучки стариков.

Нао направился к ней; она не двинулась с места; взгляд ее блуждал по саванне.

Сердце Нао часто-часто застучало. Подняв топор к небу, он воскликнул:

— Слушай, дочь Болота! Нао никогда не вернется к своему племени, если не сумеет добыть Огонь. Нао найдет смерть на дне пропасти, утонет в реке, будет съеден гиенами или вернется победителем и принесет Гаммле ракушки, синие камни, зубы мамонта и рога зубра!

Девушка подняла на война глаза, в которых сверкала детская радость.

Но Фаум нетерпеливо оборвал речь Нао.

— Сыны Зубра уже скрылись за лесом, — сказал он. — Почему Нао медлит?

И Нао, кликнув своих спутников, не оглядываясь, зашагал на восток.

* * *

Нао, Гав и Нам целый день шли саванной. Зеленый покров ее был еще в полном расцвете. Солнце сушило траву, ветер колыхал ее, разнося бесчисленные запахи, которыми был напоен воздух. Однообразная на первый взгляд саванна таила в себе огромное разнообразие злаков, трав и цветов, насекомых и животных. Плодородие ее было неистощимо. Среди необозримых зарослей злаков ютились островки дрока, вереска, шильника, зверобоя, шалфея, лютиков, кресса. Местами виднелись участки голой почвы, устоявшей против натиска сомкнутых колонн растительной армии. Но за этими плешинами снова начинались сочные пятна мальвы, шиповника, красного трилистника и зеленых кустарников.

Местами монотонность равнины нарушали невысокий холм, глубокий овраг, пруд, кишущий насекомыми, лягушками, тритонами. Одинокая скала высилась в траве, словно мастодонт¹ на пастбище. Стада антилоп мелькали на горизонте, зайцы скакали в высокой траве, удирая от волков и собак; в воздух тяжело взлетали стаи куропаток; над саванной носились вороны, легкокрылые вяхири, грузные дрофы. С места на место перебегали табуны диких лошадей,

¹ Крупное животное, внешним видом напоминающее слона, ныне вымершее.

степенно выступали зубры. Из рощи выходил, неуклюже переваливаясь с боку на бок, серый медведь, огромный и страшный победитель тигров, не уступающий в силе львам-великанам...

Вечером Нао, Нам и Гав устроили ночлег у подножья кургана. Они не прошли за день и десятой части пути. Сколько видел глаз, кругом расстилалась печальная в сумеречном полусвете саванна. Последние лучи солнца догорали на облаках.

Вид этого моря Огня напомнил Нао о том крохотном язычке пламени, который он должен был добыть. Казалось, стоило взобраться на вершину холма и протянуть сухую сосновую ветвь к облакам, чтобы искра небесного Огня воспламенила ее.

Тучи над горизонтом потемнели, но неясный багрянец еще долго мерцал на темном небе. Одна за другой стали вспыхивать сверкающие точки звезд. Поднялся легкий ветерок.

Привыкнув к кострам становищ¹, светящаяся ограда которых преграждала доступ ночи, Нао чувствовал себя теперь слабым и беспомощным. Каждое мгновение из мрака могли появиться леопард, тигр, лев, хотя они редко охотятся на равнине; стадо зубров могло растоптать хрупкую человеческую плоть; волчья стая представляла грозную опасность для незащитных людей — количество придавало волкам силу крупных хищников, а голод вооружал их храбростью.

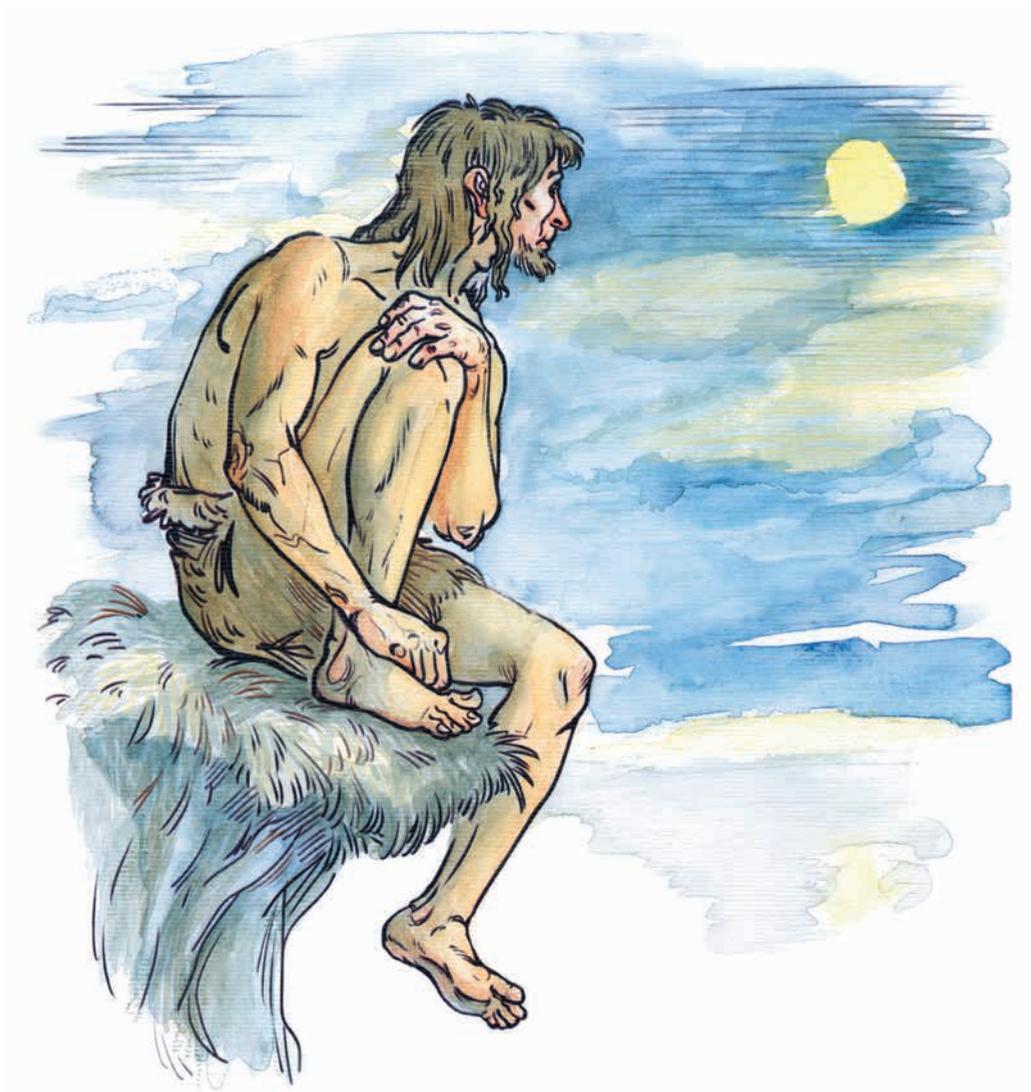
Воины поужинали сырым мясом. Это был грустный ужин: уламры отвыкли от сырой пищи. Затем Нао первым стал на стражу. Всем существом он внимал каждому дыханию ночи. Глаз его улавливал движения теней, блеклое свечение тумана; слух различал шепот ветерка, шелест травы, полет насекомых, бег животных и шорох змей; он слышал вопль шакалов, смех гиен, вой волков, стрекотание кузнечиков и дальний клекот орла; ноздри его впитывали сладостный

¹ Становище — место стоянки, временного расположения.

аромат цветов, свежее дыхание травы, острый запах хищников и зловоние гадов; кожа его ощущала малейшее дуновение ветерка, волны влажной прохлады и веяние сухого жара.

Жизнь была полна опасностей. Все проявления ее таили в себе угрозу. В неустанной борьбе с окружающим выжить мог только бдительный, сильный и хитрый.

И Нао настороженно высматривал в темноте приближение когтей, раздирающих мускулы, клыков, дробящих мясо, горящих угольков глаз пожирателей живого тела.

Большинство хищников, учув присутствие сильного зверя-человека, отбегали, не задерживаясь. Так пробежали мимо гиены — челюсти их так же мощны, как львиные, но гиены не любят борьбы и довольствуются мертвечиной. Подкралась стая волков. Волки знали силу количества — они остановились подле привала уламров, смутно сознавая, что они не слабее трех людей. Но, так как голод не терзал их, они предпочли пробежать дальше, по следу антилоп. Подбежала и стая собак, похожих на волков. Они окружили курган и долго лаяли на людей. Отдельные собаки с угрожающим рычанием забегали вперед, но ни одна не решилась напасть на двуногих зверей.

Недавно еще собаки стаями ходили за племенем. Они питались отбросами и участвовали в охотах уламров. Старый Гоун приручил двух собак — он кормил их потрохами и костями, но они погибли в схватке с вепрем.

Приручить других не удалось, так как Фаум, став вождем, приказал убить всех собак. Нао нравилась мысль о дружбе с собаками. В таком союзе он чувствовал залог большей безопасности человека, новый источник силы. Но нечего было и думать об этом здесь, в саванне, где людей было всего трое, а собак — целая стая.

Между тем собаки стягивались кольцом вокруг привала. Они не лаяли больше. Их короткое дыхание слышалось все отчетливее.

Это начало беспокоить Нао.

Взяв комок земли, он швырнул его в самую смелую собаку и крикнул:

— У нас есть рогадины и палицы, которыми можно убить медведя, зубра и даже льва!

Собака, которой земля попала в морду, шарахнулась и, испуганная звуком человеческого голоса, скрылась в темноте. Остальные отбежали назад и, казалось, совещались.

Нао бросил им вслед камень.

— Где вам сражаться с уламами! Прочь отсюда. Ищите себе добычу послабей — сайгу или волка!

Разбуженные голосом Нао, Нам и Гав вскочили на ноги. Появление двух новых теней заставило собак обратиться в бегство.

Семь дней шли Нао, Нам и Гав.

Опасности росли по мере того, как уламры приближались к краю саванны. Хотя лес отстоял еще в нескольких днях ходьбы, предвестники его — отдельные рощи деревьев, крупные хищники — стали попадаться все чаще и чаще. Однажды охотники встретили даже тигра.

Теперь задолго до наступления сумерек уламры начинали думать о ночлеге: они искали пещеру в холмах, удобную площадку на скале или, на худой конец, хотя расщелину¹ в почве. Ночевать на деревьях они избегали.

На восьмой или девятый день странствования их начала мучить жажда. Кругом не было ни ручейка, ни болота; трава пожелтела. В воздухе появились тучи мошкар. Она стремительно носилась над саванной и беспощадно жалила тела воинов.

Когда тени девятого дня удлиннились, земля снова зазеленела, воздух стал влажным, и ветерок с холмов принес запах свежей воды.

Вскоре уламры увидели стадо зубров.

Нао сказал своим спутникам:

— Мы напьемся воды до захода солнца. Зубры идут на водопой!

Нам, сын Тополя, и Гав, сын Сайги, выпрямили уставшие тела.

Нао выбрал себе в спутники легких и подвижных юношей. В них нужно было воспитать смелость, решительность, выносливость. Взамен они готовы были платить слепым повиновением, безграничной преданностью, способностью мгновенно забывать перенесенные страдания. Предостав-

¹ Глубокая трещина, узкое ущелье в горной породе, в земле.

ленные самим себе, они терялись перед враждебными силами природы. Но у них были зоркие глаза, тонкий слух, ловкие руки и неупомимые ноги — и все эти качества были к услугам вождя, который сумеет завоевать их доверие и подчинить своей воле.

За дни совместного странствования Нам и Гав успели привязаться к Нао. Для них он был воплощением мужества и силы, защитником и покровителем.

Порой, шагая рядом с ним, они любовались его мощными плечами и широкой грудью и испытывали не понятное им самим чувство преклонения перед ним.

Нао платил юношам такой же искренней привязанностью. Почему-то союз с Намом и Гавом казался ему залогом успешности задуманного похода.

Длинные тени легли у подножья деревьев. Солнце склонялось к закату, и огромный красный диск его заливал багряным светом равнину и медленно движущееся темно-бурое стадо зубров, похожее издали на мутный поток воды.

Вслед за зубрами украдкой пробиралось множество других зверей. Это доказывало, что Нао не ошибся в своих предположениях и водопой находится недалеке, где-то там, за линией холмов.

Вскоре Нао, Нам и Гав почувствовали близость воды — ноздри их жадно втягивали влажный воздух.

— Надо опередить зубров! — сказал Нао.

Он боялся, что водопой окажется узким и что великаны-зубры преградят доступ к нему.

Охотники ускорили шаг.

Стадо подвигалось медленно: молодые зубры устали от длинного перехода, старые соблюдали привычную осторожность. Уламы быстро догнали стадо. Многие животные также хотели достигнуть водопоя раньше зубров: видно было, как стремительно неслись вперед легкие сайги, муфлоны, ослы. Наперерез им скакал табун лошадей.

Нао и его спутники значительно опередили зубров и взобрались на вершину холма, когда зубры только-только

достигли его подножия. Это сулило уламрам возможность не спеша утолить жажду.

Перевалив через гребень холма, Нао, Нам и Гав зашагали еще быстрее. Вдали уже была видна вода. Это было небольшое озеро, окруженное со всех сторон грядой скал; узкая коса¹ земли полуостровом вдавалась в него. На востоке озеро вбирало в себя воды полноводной реки. На западе оно низвергалось каскадом в глубокую пропасть. Доступ к озеру был возможен тремя путями: по реке, через перевал, которым прошли уламы, и через второй перевал, в скалистой гряде. В остальных местах озеро было окружено непроходимой базальтовой² стеной.

* * *

Воины приветствовали воду радостными криками. У водопада уже столпились хрупкие сайги, маленькие коренастые лошадки, тонконогие онагры, бородатые муфлоны, робкие козули и старый сохатый³, на лбу которого выросло как будто целое дерево. Только свирепый вепрь, гордый сознанием своей силы, пил воду спокойно. Все остальные звери утоляли жажду, насторожив уши, с бегающими глазами; они часто вздрагивали и недоверчиво поднимали головы, каждое мгновение готовые спастись бегством. «Слабые должны жить в постоянном страхе», — гласил закон первобытной жизни.

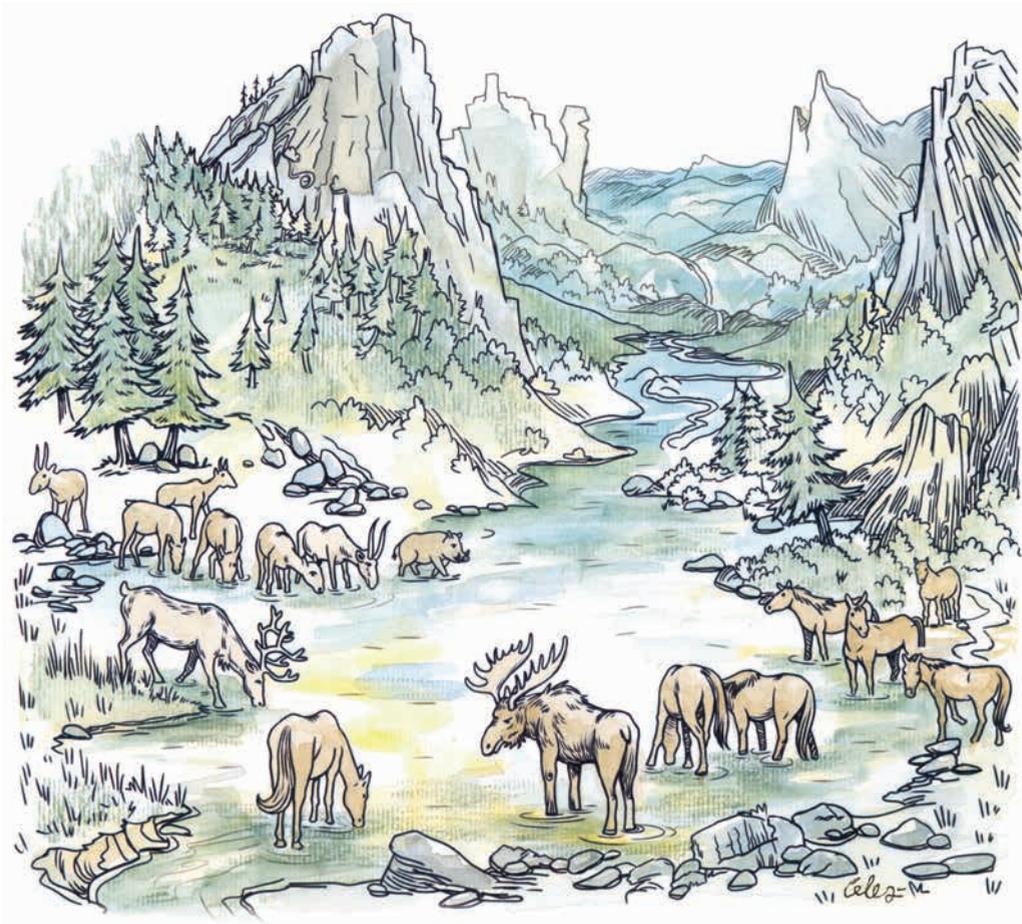
Вдруг, словно по команде, все головы повернулись в одну сторону, и еще через мгновение лошади, онагры, сайги, козули, муфлоны и сохатый беспорядочной толпой понеслись к западному перевалу. Один вепрь остался на месте, беспокойно вращая налитыми кровью глазами.

Появилась стая свирепых лесных волков. Нао, Нам и Гав держали наготове рогатины и дротики, а вепрь воинственно оскалил свои клыки и угрожающе захрюкал.

¹ Здесь: идущая от берега узкая полоса земли, отмель.

² Базальт — вулканическая горная порода черного или темно-серого цвета.

³ Лось.

Волки посмотрели на врагов и, признав их опасными, предпочли броситься в погону за бежавшими животными. После ухода волков на водопое наступила тишина, и уламы, вволю напившись свежей холодной воды, стали держать совет.

Надвигались уже сумерки. Солнце спряталось за базальтовую стену. Нечего было и думать продолжать путь в темноте. Где остановиться на ночлег?

— Идут зубры! — сказал Нам, заслышав вдали шум.

Вдруг он повернул голову в сторону западного перевала. Трое воинов насторожили слух, затем легли на землю.

— Оттуда идут не зубры, — прошептал Гав.

Нао ответил:

— Это мамонты.

Охотники поспешно осмотрели местность: река текла между базальтовым холмом и отвесным утесом из красного порфира.

Узкий выступ, спиралью опоясывающий утес, позволял, однако, без особенного труда достигнуть его вершины.

Нам первый заметил пещеру на вершине утеса. Она казалась низкой и небольшой. Однако уламы не сразу проникли в нее: сначала они пристально вглядывались в темную глубину; затем Нао, пригнув голову к земле и втягивая в ноздри запахи, пополз в пещеру впереди своих спутников.

Пол был устлан костями, обрывками шкур, оленьими рогами, челюстями каких-то животных. Все это свидетельствовало, что хозяин помещения был грозным и опасным хищником. Нао уверенно сказал:

— Это логовище серого медведя. Оно пустоует уже целую луну.

Нам и Гав не сталкивались до сих пор с этим громадным зверем; уламы кочевали обычно по местам, где водились тигры, львы, зубры, даже мамонты, но серый медведь был редким гостем. Нао же видел его во время своих дальних странствований. Он знал, что серый медведь смел и не уступает в силе льву-великану, а в жестокости — носорогу.

Почему пустовала пещера, Нао не знал: медведь мог найти себе новую берлогу, перекочевать на короткое время в другое место, наконец, мог погибнуть в схватке с другим хищником или при переправе через реку; так ли, иначе ли, но Нао надеялся, что этой ночью хозяин не вернется, и решил занять берлогу.

Пока длился осмотр пещеры, у водопоя поднялся страшный шум: то пришли зубры. Их могучий рев будил звонкое эхо и разносился по всему озеру.

Нао не мог удержаться дрожи, прислушиваясь к реву зубров. Человек редко отваживался охотиться на этих великанов. Зубры сознавали свою силу и не боялись даже самых крупных хищников, которые осмеливались нападать только на ослабевших или отбившихся от стада животных.

В это время новая волна звуков ворвалась в шум, поднятый зубрами.

Этот крик был слабее рева зубров, и тем не менее он возвещал приближение самых сильных из существ, живущих на земле.

В то время мамонт был непобедимым и полновластным хозяином суши. Он заставлял держаться в почтительном отдалении тигров и львов, он внушал страх серым медведям. Еще много тысячелетий должно было пройти, прежде чем человек осмелился померяться с ним силами; один лишь носорог, слепой и глухой в своей ярости, не боялся нападать на него.

Мамонты были подвижными, гибкими, неутомимыми, сообразительными и памятьливыми. Хобот служил им, как человеку руки, страшные бивни были сильнейшим оружием на земле.

Случилось так, что вожаки мамонтов и зубров одновременно подошли к водопою. Мамонты, привыкшие к тому, что им везде уступают дорогу, пожелали пройти первыми. Обычно в таких случаях зубры отступали. Но иногда, избалованные покорностью всех прочих травоядных, зубры пытались оспаривать первенство; чаще всего это случалось, когда их вожаки плохо знали мамонтов.

Восемь передовых зубров были огромными самцами — самый крупный был ростом с носорога. Томимые сильной жаждой, они не были склонны проявлять уступчивость. Увидев, что мамонты собираются первыми пройти к водопою, они угрожающе подняли головы и издали протяжный боевой клич.

За вожаками мамонтов длинной лентой вытянулось многоголовое стадо.

Трое уламов вышли из пещеры. Сознание первобытного человека еще было темным, мысли смутными, запас слов ничтожным, но величественное и дикое зрелище, представшее перед глазами уламов, наполнило их благоговейным трепетом.